

множество философов (ибо алхимиков принято считать преимущественно философами).

Для добывания упомянутого чудодейственного камня Соломон оставил им письменное руководство, которое не уступало в точности и ясности такой науке, как грамматика, и многие люди начали было уже постигать его, ибо черти, находясь в заключении, не затемняли их мозгов. Когда же их выпустили на свободу, они, обозленные на Соломона за его проделку, начали с того, что забрались к философам в очаги и разнесли их вдребезги. Они постарались также стереть, исцарапать, порвать и подделать все найденные книги, в которых излагалась эта наука, отчего она сделалась столь темной и трудной, что люди совсем перестали ее понимать. Черти охотно уничтожили бы их книги совсем, если бы им это позволил бог. Вырвавшись на свободу, они стали мешать ученым работать. Когда какой-нибудь ученый наталкивался на дорогу, ведущую к цели, и начинал уже постигать всю премудрость, следивший за ним бесенок вдруг разбивал алабам, наполненный драгоценным веществом, и в один миг уничтожал все, над чем бедный философ трудился десять, двенадцать лет, и ему приходилось начинать все снова. И вели себя так не свиньи, а черти, которые хуже свиней.¹⁵¹ Вот почему в настоящее время алхимикам так редко удается добиться каких-нибудь полезных результатов. Но это не значит, что их наука потеряла ту истинность, которой она обладала в прежние времена. Причина их неудач – ненависть чертей к этому дару божию. Но так как нет ничего невозможного, в том, что в один прекрасный день какому-нибудь философу посчастливится сделать то же, что сделал Соломон, и если случайно это произойдет в наше время, то я буду просить его, обратив внимание на все изложенное, чтобы он не забыл заговорить, заклясть, изгнать, предать анафеме, проклясть, заколдовать, погубить, истребить, развеять в прах и уничтожить всех этих злых, гадких бесов, врагов творений божьих и добра, которые приносят такой вред бедным алхимикам и всем остальным людям, а значит, и женщинам. И действительно, не кто иной, как бесы, внушают женщинам неприступность, упрямство и всякие фантазии; не кто иной, как бесы, влезают в головы старух, позабытых смертью, и делают их сущими дьяволицами. Отсюда про дурных женщин и пошла поговорка, что у них – черт в голове.

Новелла XIV

Об адвокате, который говорил со своей служанкой по-латыни, и о писце, его переводчике

Лет двадцать пять, а может быть, и сорок тому назад в городе Ле Мане жил один адвокат по имени Ларош Томас. Он был одним из самых видных людей в Ле Мане, который в то время так славился своими учеными, что в него приходили за советами даже из Анжерского университета. Господин Ларош любил повеселиться, но умел согласовать свои увеселения с серьезными занятиями. Он устраивал в своем доме пирушки и, будучи навеселе, довольно часто говорил по-французски на латинский лад и по-латыни на французский и увлекался этим до того, что говорил наполовину по-латыни со своим слугой, а также и со служанкой, которую он звал *Педиссекой*.¹⁵² Служанка не понимала его, но боялась просить у него пояснений, ибо в подобных случаях Ларош Томас кричал на нее: «Жирная аркадская пекора!»¹⁵³ Неужели ты еще не научилась меня понимать?» У бедной служанки при таком окрике отнимались от испуга все четыре ноги, ибо она думала, что ее ругают самыми поносными словами, какие только существуют на человеческом языке. Да и действительно, он употреблял иногда такие словечки, что куры слетали с насеста. Но со временем она нашла из своего затруднения выход, а именно, сдружилась с одним из его писцов, и тот, в случае надобности, вбивал ей в голову снизу, как нужно понимать хозяина. Таким образом, когда хозяин говорил ей какое-нибудь непонятное слово, она могла обращаться за разъяснением уже к своему переводчику.

Однажды у Лароша Томаса был подан на ужин пирог из дичи. Скушав от него с гостями два-три ломтика, он сказал служанке, убиравшей со стола.

¹⁵¹ Видимо, намек на евангельский рассказ о том, как Иисус Христос вселил бесов в стадо свиней, которые кинулись в море и потонули (Ев. от Марка, V, 11–13).

¹⁵² *Педиссека* – имя рабыни из комедий древнеримских драматургов Плавта и Теренция.

¹⁵³ *Пекора* – латинизм, то есть «дуреха».